конечно, здесь требовалась не только профессиональная память, но и музыкальная одаренность, которая облегчает запоминание текстов былин.[15]

И Боян и его внук были певцами черниговских князей — Ольга Святославича (1076—1115) и Игоря Святославича (ум. 1202). В одном из древнейших русских литературных памятников — в житии Феодосия Печерского — имеется упоминание о княжеских певцах великого князя киевского Святослава Ярославича, родоначальника «Ольговичей» (1073—1076): в княжеских палатах приставленные к тому люди играют на различных инструментах и поют яко же обычай есть перед княземъ. Это описание позволяет возводить песенную традицию при дворе северских князей еще к XI в. Для нас, кроме того, чрезвычайно ценно замечание, что такое пение было вообще в обычае при княжеских дворах.[16]

Мы уже говорили о ценности наблюдений над народным творчеством, которые собраны в XIX и XX вв. на русском севере. Конечно, его нельзя отождествлять полностью с творчеством певцов древней Руси. Однако во многих отношениях народное эпическое искусство еще и в XIX в. является отголоском старой певческой традиции и дает нам ряд важных указаний. Оно дает возможность проследить, при каких условиях возникают народные эпические произведения, как они сохраняются и распространяются. Мы видим также, что былинное мастерство ценится населением и сказителя уважают, как человека, выделяющегося своим талантом и знанием.[17] Собиратели былин отмечают любопытное разделение в среде исполнителей старин и песен XIX—XX в. Так, если среди поморов вообще не имеется[18] людей, специально занятых сказыванием былин, профессионалов, зарабатывающих себе этим пропитание, то иначе обстоит дело в Заонежье и Каргополье — там наблюдается разделение певцов. В Заонежье «главные хранители былин — сказители, а в Каргопольской стороне — калики. Сказители поют по охоте, из любви к искусству, а калики — по ремеслу. Первые научились своему знанию от знаменитых „досюльных“ (т. е. прежних) сказителей — Ильи Елустафьева, Игнатия Андреева, Федора Яковлева и других стариков; вторые — от таких же стариков и калик. Сказитель — обычно зажиточный крестьянин, земледелец, рыболов. Между тем как калики живут милостыней».[19]

По-видимому, то же деление мы должны предположить и в древности: скоморохи — профессиональные увеселители, изображения которых сохранили нам фрески на лестнице Киевского собора св. Софии, отличались от прославленных певцов типа Бояна и певца «Слова». Нам, к сожалению, не хватает данных, чтобы вполне уяснить себе положение и происхождение так называемых княжеских певцов XI—XII вв. Мы имеем одно известие в Бертинских анналах под 839 г. о трех славянских певцах, не имевших

---

[15] Относительно А. В. Сарафанова, внука и ученика знаменитого Игнатия Андреева, отмечается: «очевидно, музыкальность внука была слаба, и он постепенно стал отвыкать от песенного склада былин, превращая их в сказки, которые вообще любит и отлично рассказывает. Он не забывает содержание былин, но вместе с напевом стала исчезать цельность былинного языка». Гильфердинг, записавший его позднее Рыбникова, отметил «поразительный упадок поэтического склада» (Песни, т. I, стр. 434). Сравним также указания М. Н. Сперанского: «Содержание устной поэзии ограничено пределами памяти, а форма, музыкально-ритмическая, приспособлена к хранению памятью» (Былины, т. I. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1916, стр. XI).

[16] Эпизод этот впервые приведен И. Е. Забелиным в работе: «Заметка об одном темном месте в „Слове о полку Игоревом“» (Археологические известия и заметки. М., 1894, № 10, стр. 297—301). С тех пор он неоднократно упоминается исследователями.

[17] А. Марков. Беломорския былины, стр. 13.

[18] Там же, стр. 15.

[19] Песни, т. I, стр. C и CII.